

Романова Елена Ивановна

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ И БРАКА В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. ГЕРЦЕНА И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В статье анализируется художественная рецепция пушкинской развязки любовного треугольника в произведениях А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. В любовных коллизиях повести "Кто виноват?" и романа "Что делать?" автор вычленяет значимый для литературы 40-60-х годов XIX века мотив реабилитации адюльтера, развивающийся параллельно с утверждением новых рациональных форм организации социальной жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 155-159. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

- обнаружить в нем доводы в подтверждение выдвинутых тезисов;
- сделать выводы из сформулированных посылок;
- вывести заключение о намерении автора или концепте текста.

5. Для выявления рефлексии на содержание текста необходимо, чтобы читатель, выполняя задания, связал информацию, обнаруженную в тексте, со знаниями из других источников, оценил утверждения, сделанные в тексте на основе своих представлений, нашёл доводы в защиту своей точки зрения [5].

Предлагаемые рекомендации не претендуют на универсальность, однако мы надеемся, что они окажут существенную помощь учителям и преподавателям иностранного языка при составлении тестовых заданий для контроля чтения.

Список литературы

1. Бим И. Л., Садова Л. В. Шаги 5 (*Deutsch. Schritte 5*): учебник немецкого языка для 9 кл. М.: Просвещение, 2002. 272 с.
2. Бим И. Л., Рыжова Л. И., Садова Л. В. и др. Немецкий язык. 11 класс (*Deutsch 11. Lehrbuch*): учебник. Изд-е 4-е. М.: Просвещение, 2011. 272 с.
3. Единый государственный экзамен по иностранным языкам. Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена 2012 года по немецкому языку [Электронный ресурс]. URL: <http://testing.ege.edu.ru/demo-ege/dutch.pdf> (дата обращения: 21.01.2013).
4. Поляков О. Г. О некоторых проблемах использования тестов как одного из средств контроля обучения школьников по иностранному языку // Иностранные языки в школе. 1994. № 2. С. 10-15.
5. Разуваева Т. А. Методические рекомендации по формированию читательской компетенции студентов факультета иностранных языков на занятиях по немецкому языку. Пенза, 2006. 171 с.
6. Результаты единого государственного экзамена по немецкому языку: аналитический отчет предметной комиссии / сост. Л. К. Никитина, М. Н. Гузь [Электронный ресурс]. СПб., 2009. 36 с. URL: http://www.ege.spb.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&download=145:2 (дата обращения: 21.01.2013).
7. Симкин В. П. Осторожно: тест // Иностранные языки в школе. 1996. № 5. С. 87-92.

TESTING AS CONTROL MEANS WHILE TEACHING STUDENTS READING IN A FOREIGN LANGUAGE

Razuvaeva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Penza State University
rastan12@mail.ru

The author tells about foreign reading role increase in the modern educated person's life and the importance of the formation level control of this type of speech activity, analyzes reading test tasks from the materials of the State Final Certification and the Unified State Exam in the German language, and also school educational and methodological documentation for the purpose of finding such tasks in them, and formulates practical recommendations for teachers on making tests for foreign texts reading control.

Key words and phrases: test; reading control; foreign text; test tasks development; methodological recommendations.

УДК 821.161.1-2

Филологические науки

В статье анализируется художественная рецепция пушкинской развязки любовного треугольника в произведениях А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. В любовных коллизиях повести «Кто виноват?» и романа «Что делать?» автор вычленяет значимый для литературы 40-60-х годов XIX века мотив реабилитации адюльтера, развивающийся параллельно с утверждением новых рациональных форм организации социальной жизни.

Ключевые слова и фразы: любовный треугольник; адюльтер; «странный человек»; «лишний человек»; «новые люди»; утопический социализм.

Романова Елена Ивановна, к. филол. н., доцент

Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара, Украина
romanova_dnepr@ukr.net

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ И БРАКА В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. ГЕРЦЕНА И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО©

40-е годы XIX столетия ознаменовались разрывом с прежними эстетическими и мировоззренческими ценностями. Время романтических страстей прошло – констатирует А. И. Герцен. Препятный этап, когда «все

отношения, близкие и дальние, семейные и общественные, были определены – справедливо ли, нет ли, но определены» [4, с. 59], завершился. Потребовалась выработка новой ценностной мировоззренческой системы, и вопрос о смысле жизни оказался тесно увязанным с проблемой смысла любви. «В самой жизни это чувство занимает так много места, что служит то мотивом, то содержанием, то целью почти всякого стремления, всякой деятельности», – писал А. И. Гончаров в письме к П. А. Валуеву [5, с. 294]. Подобно многим своим современникам, он не просто верил, но веровал в то, что «только эта сила может двигать миром, управлять волей людской и направлять ее к деятельности и прочее» [Там же, с. 360].

В романтизме трагические истории любви были средством раскрытия неординарности характеров «странных» людей. Возвышенная любовь к прекрасной женщине оказывалась единственным способом самореализации героев, любовь понималась как воплощение абсолюта, как основной источник и главная сила жизни. Эта сосредоточенность, «мания любви» была основой «странности» романтических героев. В 40-60-е годы XIX века тема любви оказалась связанной не только и не столько с личностной самореализацией, но и с необходимостью преобразования действительности.

К середине XIX века представления о любви соединились с идеями французского социалистического утопизма, учения, для которого разрешение вопроса любви и брака было необходимейшим условием идеального мироустройства. Логика объединения двух вопросов – личного и общественного – в один была следующей: «Высший триумф любви достигался в два этапа: любовь к человечеству должна была одушевляться энергией любви к женщине, и этой энергии любви предстояло спасти общество, страдавшее от эмоционального бесплодия, и, в свою очередь, стимулировать любовь к женщине. Из переустройства половых отношений следовало общественное переустройство и расцвет свободы» [9, с. 54]. Отмечая общую тенденцию эпохи, сочетающую идеалистическую сакрализацию любви к женщине с социальными доктринами и с романтическим мессианством, Ирина Паперно в книге «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» приводит знаковое обращение Огарева к своей невесте: «Наша любовь, Мария, заключает в себе зерно освобождения человечества. <...> Наша любовь, Мария, будет пересказываться из рода в род; все последующие поколения сохраняют нашу память, как святыню» [Цит. по: Там же, с. 119].

Борьба за свободу человечества предполагала утверждение свободы женщины. Именно поэтому В. Г. Белинский ожесточенно отвергнет выбор Татьяны, обвинив ее в безнравственности: «Но я другому отдана, – именно отдана, а не отдалась! Вечная верность – кому и в чем? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освещаемые любовью, в высшей степени безнравственны...» [1, с. 501]. Достоевский заметит: «Вопрос: почему Татьяна не пошла с Онегиным, имеет у нас, по крайней мере, в литературе нашей, своего рода историю весьма характерную...» [6, с. 139], ответ на него составит целый сюжет, последовательно развивающийся вплоть до XX века. Начало этому сюжету положила повесть А. В. Дружинина «Полинька Сакс», но концептуально новые воззрения на любовь и брак, личность и общество со всей цельностью полемичности воплотились в повести А. И. Герцена «Кто виноват?». А. И. Герцен попытается разрешить загадку пушкинской Татьяны и свой ответ свяжет с уяснением базовых причин неспокоя «лишних людей» к преобразованию общества.

В центре повествования – любовный треугольник: Круциферский – Любонька – Бельтов. Любовная коллизия романа явно отсылает читателя к пушкинской загадке Татьяны «Но я другому отдана; // Я буду век ему верна». Н. Страхов начнет свой анализ герценовской повести тезисом: «Очевидно, случай, взятый Герценом, относится к так называемому женскому вопросу, к вопросу о свободе сердечных наших чувств, о стеснении, представляемом неразрывностью брака, о неразумности такого чувства, как ревность, и т.д.» [10, с. 366]. Внешняя коллизия, как он считает, служит своего рода средством испытания двух родов любви: любви, замкнувшейся на самое себя, и мирочувствования, в котором сила любви нисколько не меньше, но которое не исчерпывается только любовью: «роман собственно изображает противоположность двух родов любви. Одна любовь – Круциферского, – старый, известный род любви, – приводит к гибели того, кто ей подвергся. Другая любовь – новая, более нормальная; Бельтов, как ни сильно он влюблен, не погибнет, не пропадет в своем несчастье; у Бельтова есть выход в другую сферу, есть другие интересы, которыми он может жить» [Там же, с. 375].

Каждый из героев романа Герцена представляет собой некий законченный, знакомый по предшествующей литературной традиции тип. История любви Круциферского к Любоньке развивается в опасной близости к ядовитой пародии на сентиментальные образцы. В линии Любонька – Круциферский Герцен иронически пренебрегает романтической «историей любви»: брак Круциферских складывается лишь благодаря водевильно-комическому недоразумению. В идиллическом супружестве, лишенном страсти, главная героиня находит тихую дружбу и покой. Для Круциферского любовь к жене становится центром существования. Он «любил, как может любить нервная, романтическая натура, любил, как Вертер, как Владимир Ленский» [2, с. 147]. В образе Бельтова слишком угадываются черты Онегина. Сам Герцен не отрицал этого сходства, объясняя: «Образ Онегина настолько национален, что встречается во всех романах и поэмах, которые получают какое-либо признание в России, и не потому, что хотели копировать его, а потому, что его находишь возле себя или в себе самом» [3, с. 204]. Его появление в романе «взрывает» внешне вполне благополучный брак Круциферских. На признание Бельтова в любви, в тексте ориентированное на пушкинский образец: «Ваше присутствие сделались для меня необходимостью. Знаю то, что целые утра я проводил в детском нетерпении, в болезненном ожидании вечера... Приходил наконец вечер, я бежал к вам, задыхаясь от мысли, что я увижу вас... с волнением переступал я порог вашего дома и

входил хладнокровно, и говорил о постороннем, и так проходили часы...» [2, с. 162], Любонька отвечает совершенно в духе Татьяны: «Эта женщина принадлежит другому» [Там же, с. 163].

То, что у Пушкина было окончанием романа, для Герцена оказывается его началом. Кто виноват в том, что жизнь трех хороших людей из-за любви терпит крах? – задается вопросом Герцен, и для него базовая «неправильность» отношений в любви становится своего рода метафорой неправильности общественных отношений. Сюжетообразующая функция адюльтера совпадает с архетипически заложенным в нем заданием – «эмансипированием сексуальности, с ее своеобразной легализацией, шире – с эмансипацией индивидуальной самодеятельности» [8, с. 67].

В повести явственно ощущается влияние жоржсандовских идей, синтезирующих руссоистский бунт против оков цивилизации во имя освобождения личности, «реабилитации сердца» во имя гармонического преобразования общественного устройства, за которое боролись социалисты-утописты, – отмечает О. Кафанова [7, с. 86]. Культ любви причудливо соединяется с социальной проблематикой. И. Паперно объясняет кажущееся противоречивым объединение двух вопросов – любви, брака и необходимости социальных преобразований – в один следующим образом: «То особое место, которое занимал в русском радикализме женский вопрос, может показаться трудно объяснимым, особенно если учесть, что наряду с ним существовали и другие, более серьезные проблемы, такие как абсолютизм, крепостничество, ограничение гражданских прав, бедность, безграмотность. Однако в контексте символики культуры доминирующая роль женского вопроса не вызывает удивления: «Освобождение женщины, – отмечает И. Паперно, – понималось как свобода в целом, а свобода в личных отношениях (эмоциональное раскрепощение и разрушение устоев традиционного брака) отождествлялась с социальным освобождением человечества» [9, с. 98].

Герцен рассматривает традиционную форму супружества как особый вид «ланкастерских гонений», и поэтому противоестественность ложно понятой пушкинской героиней верности для него очевидна. Он осложняет ситуацию: если Татьяна, продолжая любить Онегина, остается верной своему нелюбимому мужу, ибо она «отдана», то Любонька, не переставая любить и ценить своего мужа, влюбляется в Бельтова. Ее любовь к Круциферскому начинается с сострадания, любовь к Бельтову – с понимания его сложной и сильной натуры. Объяснение Бельтова в любви становится началом ее мучительных размышлений. Любонька хочет сохранить верность своему мужу, но, может быть, эта верность и есть форма слабости и трусости современного человека, который «так себя забил, что не смеет дать воли ни одному чувству» [2, с. 173]. На слишком пылкое, чтобы быть правдивым, утверждение Любоньки, что она любит своего мужа, Бельтов отвечает вопросом, который открывает новую страницу в литературе о любви: «Однако позвольте, разве непременно вы должны отвернуться от одного из сочувствия другому, как будто любви у человека дается известная мера?» [Там же, с. 162].

Постепенно и самой Любоньке мысль о любви к двоим начинает казаться вполне естественной. Пока еще сильны вопросительные интонации: «Будто это правда, что можно любить двоих? Не понимаю. Можно и не двоих, а нескольких любить, но тут игра слов; любить любовью можно одного, и ею я люблю моего мужа. А потом я... и Бельтова люблю; это такой сильный человек, что я не могу не любить его» [Там же, с. 169]. Но выход из создавшейся ситуации для людей, объединенных дружескими связями и любовью, может быть вполне логичным, естественным, не требующим мучительного выбора: «Как мы могли бы прекрасно устроить нашу жизнь, наш маленький кружок... кажется, и доверие взаимное есть, и любовь, и дружба, а мы делаем уступки, жертвы, не договариваем» [Там же].

Подобно пушкинской Татьяне, героиня Герцена борется со своим чувством, но одновременно в ней зарождается и негодование против собственнической любви мужа. Сначала это недоумение: «У него нет прежней веры в меня, это я вижу. Неужели в его благородной душе есть место чувству, которого назвать не хочу? <...> Как мне объяснить это ему? Я не другого люблю, а люблю его и люблю Вольдемара; симпатия моя с Вольдемаром совсем иная...» [Там же, с. 173], а затем и прямое раздражение: «Мне сегодня пришло в голову, что самоотверженнейшая любовь – высочайший эгоизм, что высочайшее смирение, что кротость – страшная гордость, скрытая жесткость» [Там же, с. 175]. Героиня Герцена следует сюжетной развязке пушкинского романа. Но такое решение никому не приносит счастья: Любонька не сможет перенести разлуки с Бельтовым и умрет, Круциферский сопьется и тоже погибнет, Бельтов же пополнит ряды «лишних людей».

Кто виноват – задается вопросом А. И. Герцен – в том, что русский человек не может реализоваться ни в любви, ни в общественном служении? Ответом и сводом практических рекомендаций станет роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Оба писателя, отмечает Л. Энгельштейн, «исследовали конфликт между личной свободой и традиционными общественными отношениями, оба использовали иерархию сексуальной власти и сексуального подчинения в более широком социальном мире» [12, с. 10], но Чернышевский «яснее Герцена, без его романтических мучений и увлечений, понимал революционную сущность адюльтера; он смелее Ленина, без его бытового мещанского морализма, понимал необходимость сексуальной революции как подкладки любого коммунистического проекта» [10, с. 171]. Он предложил произвести переустройство семейной жизни, считая его необходимым условием для перестройки общества, и его книга оказалась столь востребованной в России именно потому, что была книгой не только о любви, но и о новых формах отношений между людьми.

В проблеме женской эмансипации, как в фокусе, сошлись либеральные ценности личной свободы и равенства граждан. В русской культуре XIX века ущемление прав женщин во многом ассоциировалось с более широким контекстом несправедливого социального мироустройства, и роман Чернышевского, жанр которого

И. Паперно определяет как «социальную и эмоциональную утопию, сюжет которой представляет сложную любовную историю с феминистической окраской» [9, с. 23], становится «развернутой аллегорией социального вопроса, в соответствии с культурной традицией связывающего прочность брака с социальной стабильностью в широком смысле слова» [Там же, с. 124]. Она отмечает, что то, что предстает перед читателем как супружеская измена, для Чернышевского было фундаментом эмоциональной гармонии и социального равновесия. В таком устройстве человеческих отношений он видел прообраз нового социального мира, гармонический рай на земле, основанный на приложении принципов коллективизма ко всем областям человеческой жизни, личной и общественной [Там же, с. 134].

Для автора «Что делать?» необходимость нравственного разрешения вопроса об адюльтере становится принципиальной: Рахметов убеждает Веру Павловну, что она ничуть не виновата в том, что разлюбила Лопухова и полюбила Кирсанова, ибо человек не властен над своим сердцем: «Этому чувству необходимо должно было возникнуть, как скоро даны характеры ваш и Дмитрия Сергеевича: не так, то иначе, оно все-таки развилось бы, ведь здесь коренное чувство вовсе не то, что вы полюбили другого, это уже следствие; коренное чувство – недовольство вашими прежними отношениями» [11, с. 134]. Правильно или неправильно насильно заглушать в себе это чувство, прагматично ли оставаться верной нелюбимому мужу, которому «отдана»? «В какую форму должно было развиваться это недовольство? – логически развивает свою мысль Рахметов. – Если бы вы и он, оба, или хоть один из вас, были люди не развитые, не деликатные или дурные, оно развилось бы в обыкновенную свою форму – вражда между мужем и женою, вы бы грызлись между собою, если бы оба были дурны, или один из вас грыз бы другого, а другой был бы сгрызаем, во всяком случае, была бы семейная каторга, которую мы и любимея в большей части супружеств; она, конечно, не помешала бы развиваться и любви к другому, но главная штука была бы в ней, в каторге, в грызении друг друга. У вас такой формы не могло принять это недовольство, потому что оба вы люди порядочные, и развилось только в легчайшую, мягчайшую, безобиднейшую свою форму, в любовь к другому. Значит, о любви к другому тут и толковать нечего: вовсе не в ней сущность дела. <...> Оба вы хорошие люди, но когда ваш характер, Вера Павловна, созрел, потерял детскую неопределенность, приобрел определенные черты, – оказалось, что вы и Дмитрий Сергеевич не слишком годитесь друг для друга. Что тут предосудительного кому-нибудь из вас?» [Там же].

Рахметов искренне досадует и на Веру Павловну, и на Лопухова из-за того, что им приходится объяснять элементарные вещи, что они не увидели самого простого и самого разумного выхода из сложившейся ситуации: «Из-за каких пустяков какой тяжелый шум! Сколько расстройств для всех троих, особенно для вас, Вера Павловна! Между тем как очень спокойно могли бы вы все трое жить по-прежнему, как жили за год, или как-нибудь переместиться всем на одну квартиру, или иначе переместиться, или как бы там пришлось, только совершенно без всякого расстройства и по-прежнему пить чай втроем, и по-прежнему ездить в оперу втроем. К чему эти мученья? К чему эти катастрофы?» [Там же]. Семья вполне может быть построена на тех же принципах социалистической целесообразности общежития, по которым Вера Павловна организует свои мастерские.

В полемике с пушкинской концовкой «Евгения Онегина» Герцен формулирует в вопросительно-утвердительной форме свое понимание концепции любви, Чернышевский же наделяет эту концепцию плотью практических решений и рассматривает вопрос о браке в контексте целостной системы рецептов преобразования общества на разумных основаниях.

Несмотря на обращение к пикантной теме и скандализующее разрешение любовной проблемы, оба писателя оказываются моралистами. Они утверждают природную невинность и чистоту своих героев, абстрактных «всечеловеков», наделенных способностью к логическому «разумному эгоизму», но лишенных плоти и крови. Переосмысление, переоценка, опровержение художественных концепций мироустройства А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского в 60-80 гг. XIX века повлекло за собой новые иные решения старого как мир вопроса о сущности любви, о ее роли в жизни человека и общества.

Список литературы

1. **Белинский В. Г.** Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая // Полн. собр. соч.: в 13 т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. Т. 7. С. 473-504.
2. **Герцен А. И.** Кто виноват? // Герцен А. И. Соч.: в 4 т. М.: Правда, 1988. Т. 4. С. 5-198.
3. **Герцен А. И.** О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1954-1965. Т. 7. 467 с.
4. **Герцен А. И.** По поводу одной драмы // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1954-1965. Т. 2. С. 55-64.
5. **Гончаров И. А.** Письма // Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л.: ГИХЛ, 1938. 404 с.
6. **Достоевский Ф. М.** Пушкин: очерк // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР; Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). Л.: Наука, 1984. Т. 26. С. 136-148.
7. **Кафанова О. Б.** Любовный быт «людей сороковых годов» // Вестник Томского государственного университета. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. Вып. 266. С. 78-87.
8. **Мелетинский Е. М.** О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
9. **Паперно И.** Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. Серия «Научное приложение». М.: Новое литературное обозрение, 1995. 207 с.
10. **Страхов Н. Н.** Литературная деятельность А. И. Герцена // Страхов Н. Н. Литературная критика. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000. С. 365-384.
11. **Чернышевский Н. Г.** Что делать? (из рассказов о новых людях): роман. Л.: Худож. литература, 1967. 295 с.
12. **Энгельштейн Л.** Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX-XX вв. М.: Терра, 1996. 571 с.

**LOVE AND MARRIAGE PROBLEM CONCEPTUALIZATION
IN A. I. GERTSEN AND N. G. CHERNYSHEVSKII'S CREATIVE WORKS**

Romanova Elena Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dnepropetrovsk National University named after O. Gonchar, Ukraine
romanova_dnepr@ukr.net

The author analyzes the artistic reception of Pushkin's dénouement of eternal triangle in A. I. Gertsen and N. G. Chernyshevskii's works, singles out adultery rehabilitation motif, which was developing alongside with the establishment of the new rational forms of social life organization, significant for the literature of the 40-60s of the XIXth century, in the love collisions of the narrative "Who Is Guilty?" and the novel "What to Do?".

Key words and phrases: eternal triangle; adultery; "strange person"; "unnecessary person"; "new people"; Utopian socialism.

УДК 8

Филологические науки

В статье автор обращается к информационным уровням, содержащимся в тексте, как «инструменту» анализа повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». Основное внимание сконцентрировано на выявлении фактуального, подтекстового, концептуального уровней, позволяющих не только раскрыть многогранность художественного мира произведения, но и объяснить существование различных вариантов его интерпретации.

Ключевые слова и фразы: художественный текст; уровни информации; контекст; интерпретация; концепция; повесть «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя.

Руденко Татьяна Евгеньевна

Магнитогорская государственная консерватория им. М. И. Глинки
neghechka@mail.ru

**КАТЕГОРИИ ИНФОРМАЦИИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СОДЕРЖАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»)©**

Информация и ее категории получают осмысление в процессе формирования отдельной научной дисциплины — «теории текста». В 80-е годы XX века появляется фундаментальный труд И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования», в котором автор, наряду с другими компонентами, анализирует информационные уровни текста — содержательно-фактуальный, содержательно-подтекстовый и содержательно-концептуальный. Обращение в исследовательских целях к этим важнейшим информационным категориям позволяет не только расширить и углубить представления о содержании художественного текста, идее, но и осмыслить возможность многогранного его понимания. Перспективность данного подхода подтверждается появлением таких работ, как «Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста» П. С. Волковой [3], «Особенности реализации подтекста в кинодискурсе» А. Н. Зарецкой [8] и др., где авторы исследуют функции отдельных информационных уровней в процессе смыслопорождения.

В настоящей статье предпринимается попытка комплексного рассмотрения трех уровней информации, содержащихся в тексте повести «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя. Это произведение относится к тем литературным шедеврам, в которых отражены самые разнообразные явления художественной действительности, что определяет существование огромного количества вариантов прочтения его смыслового содержания. Прихотливая, по замечанию Ю. Манна, «универсальность гоголевского художественного мира» [11] реализуется через сложную систему текстовой конструкции. Выявление в ней фактуального, подтекстового, концептуального уровней информации, влияющих на глубину и многогранность восприятия художественной идеи и наряду с этим обуславливающих появление разных интерпретаций смысла произведения, определение функциональной значимости каждого из них — таковы цель и задачи представленной работы.

Содержательно-фактуальный уровень в полной мере задействуется на начальном этапе процесса освоения произведения, в постижении особенностей сюжета. Его роль заключается в передаче данной, языковой информации, где сами «единицы языка употребляются в их прямых, предметно-логических, словарных значениях...» [5, с. 28]. Так, при первом прочтении повести «Ночь перед Рождеством» реципиент может воспринять несколько сюжетных линий.

Первая из них раскрывает взаимоотношения Черта и Вакулы. Речь идет о попытках Черта отомстить кузнецу за созданную им картину Страшного суда. Речь идет о картине, на которой изображен святой Петр «с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный черт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грешники били и гоняли его кнутами <...> и с той поры черт